

В преддверии структурных реформ и социально-экономического роста: куда идти?* (размышления над книгой «Новое интегральное общество»)

А.Г. АГАНБЕГЯН, академик РАН, заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

*«Для парусника, не знающего, куда идти,
не может быть попутного ветра»*

Постановка вопроса

Недавно вышедшая книга «Новое интегральное общество» посвящена памяти академика Олега Тимофеевича Богомолова, который ее задумал, сплотил коллектив единомышленников, написал заглавную статью, но, к сожалению, не смог принять участие в редактировании и не видел ее выхода в свет.

Во многом благодаря усилиям профессора Г.Н. Цаголова эта книга была доведена до издания. В ней с теоретических позиций, обобщая практику разных стран, исследуется коренной вопрос – к какому обществу, а точнее, к какой социально-экономической формации должна переходить наша страна в условиях глобализации мировой экономики и принимая во внимание тренды развития других стран?

Очевидно, что сложившаяся переходная, смешанная социально-экономическая система России не удовлетворяет наше общество. Из 26 лет существования новой России 14 лет (1991–1999, 2009, 2013–2016 гг.) страна пребывала в стагнации и кризисе, а в оставшиеся 12 лет (2000–2008 и 2010–2012 гг.) осуществлялся восстановительный рост. В результате основные экономические и социальные показатели страны за это время практически не выросли. Главный экономический показатель – валовой внутренний продукт – только в 2008 г. на 7% превзошел наивысший уровень, достигнутый в советской России в 1989 г., затем опять

* Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю., Глинкина С.П., Дашичев В.И., Куликова Н.В., Меньшиков С.Н., Меньшикова Л.А., Пивоварова Э.П., Цаголов Г.Н. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика. Под ред. Г.Н. Цаголова. URSS. – М.: ЛЕНАНД, 2016.

снизился в кризис 2009 г., слегка приподнялся в трехлетний восстановительный период 2010–2012 гг. и снова на 4,5% опустился в 2015–2016 гг. Так что его уровень практически не вырос.

Промышленность, сельское хозяйство, строительство достигли только 80% к уровню 1989 г. Снизился и грузооборот транспорта. Ниже, чем в советской России, сегодня показатели науки, образования и здравоохранения – наиболее важных интеллектуальных услуг. Немного превзойден уровень 1989 г. в сферах торговли, финансов, государственного управления, а также правоохранительной деятельности.

В структуре использования валового внутреннего продукта вдвое снизились доля накопления, особенно основных фондов (с 40% до менее 20%), и доля расходов на оборону. Увеличились конечное потребление других государственных органов.

Численность населения страны, даже с учетом присоединения Крыма, сократилась со 149 до 146 млн чел. Так что при значительном увеличении конечного потребления домашних хозяйств реальные доходы в расчете на душу населения повысились примерно на 20%, в основном за счет опережающего роста потребления домашних хозяйств.

Вместе с тем коренным образом изменилась дифференциация доходов и потребления по социальным группам населения. Это 20%-е увеличение целиком приходится на резко возросшие доходы 30% относительно зажиточного населения, уровень которых в 1,5–2 раза вырос по сравнению с советским периодом. Еще у 30% населения размеры реальных доходов и текущего потребления мало отличаются от советского периода. В то же время у 40% низкообеспеченного населения они заметно сократились, в том числе у 20% малообеспеченных, и оказались намного ниже того, что эта социальная группа имела при советской власти.

В результате сегодня 10% самых зажиточных граждан получают среднедушевой доход в 16 с лишним раз более высокий, чем 10% малообеспеченных граждан (в 1980-е гг. – всего в три раза).

Вряд ли кого-нибудь могут удовлетворять эти показатели. К тому же в период 25-летней истории новой России она пережила четыре глубоких кризиса. Прежде всего, это длительный трансформационный кризис после распада СССР и перехода к рыночной экономике, когда ВВП сократился в 1,8 раза, инвестиции – в 3,5 раза, а реальные доходы – в 1,7 раза.

Жестокий финансово-экономический кризис произошел в 1998–1999 гг., когда экономические показатели снизились на 5–7%, а реальные доходы населения – на 26%. В 2–3 раза обесценились сбережения населения из-за огромного взлета цен; рекордного уровня (11 млн человек, или 13% экономически активного населения) достигла безработица.

Кризис, как известно, закончился государственным дефолтом, приведшим к банкротству крупнейших коммерческих банков и системному кризису банковской системы и фондового рынка, который сократился в 10 раз. Вчетверо был девальвирован рубль по отношению к доллару, что привело к спаду импорта в 1,5–2 раза.

Последовавший за этим кризисом подъем экономики и социальной сферы в течение 9–10 лет примерно в равной мере был вызван 8-кратным повышением цены на нефть – главный экспортный товар России (доля нефти и нефтепродуктов в экспорте доходила до 56%) и использованием внутренних источников социально-экономического роста. Так что из 6,6% среднегодового прироста ВВП за 1999–2008 гг. только около 3% было связано с внутренними источниками экономического роста и более 3%, по оценке Мирового банка, определялось притоком в страну огромных дополнительных валютных сумм в результате роста цен на нефть с 12 до 95 долл./барр.

Подъем экономики и социальной сферы окончился новым глубоким кризисом 2008–2009 гг., который явился органической частью глобального циклического кризиса мировой экономики. При этом из 20 ведущих держав мира именно в России он оказался наиболее глубоким – по падению ВВП, инвестиций, внешнеторгового оборота, фондового рынка, доходов бюджета.

После восстановления основных макроэкономических и социальных показателей, сократившихся в 2010–2012 гг., этот рост неожиданно с 2013 г. сменился стагнацией с увеличением ВВП на 1,3%, промышленности – на 0,3%, при снижении инвестиций на 0,3%, экспорта – на 1,2%, финансового результата предприятий и организаций – на 8%.

С первого квартала 2014 г. показатели стагнации еще вдвое ухудшились. Рост ВВП снизился до 0,6% за 2014 г. Существенно упали инвестиции, не только в экспорт, но и в импорт. Впервые за последние 15 лет сократились реальные доходы. Все

это произошло до присоединения Крыма при высоких ценах на нефть, низких инфляции и ключевой ставке Центрального банка, при свободном доступе наших предприятий и организаций на мировой финансовый рынок, где они за 2012–2013 гг. заняли дополнительно 180 млрд долл.

Со второй половины 2014 г. санкции ужесточились, началось падение цен на нефть – со 110 долл./барр. сначала до 60, а потом и до 40 долл./барр., что вызвало двукратную девальвацию рубля и скачок инфляции с 5,1% в 2012 г. до 6,8% в 2013 г., 7,8% – в 2014 г. и до 15,5% – в 2015 г.

С первого квартала 2015 г. стагнация переросла в рецессию, и за 2015 г. ВВП снизился на 3,7%, промышленность – на 3,4% при неожиданно резком, небывалом сокращении конечного потребления домашних хозяйств на 10,5%, розничного товарооборота в постоянных ценах – на 10,0% и реальной заработной платы – на 9,5%. Число безработных выросло на 0,5 млн чел., в отличие от 2008–2009 гг., когда их стало больше на 2 млн чел.

В 2016 г. рецессия продолжилась. В первом квартале ВВП дополнительно снизился на 1,2%, промышленность – на 0,1%, строительство – на 3,3%. Гораздо сильнее упали инвестиции: в 2015 г. – минус 8,4%, а в I кв. 2016 г. – еще 4,8%. Серьезно снижаются реальные доходы населения: в 2015 г. – на 4%, в январе-апреле 2016 г. – на 7,1%.

Четыре кризиса, которые обрушились на Россию за 25 лет, – необычное дело. Большинство стран мира за это время испытывали лишь один циклический кризис в 2008–2009 гг. При этом у развивающихся стран объем ВВП не сократился, а темпы социально-экономического развития снизились в 2009 г. с 6% до 2%, при этом вдвое меньше, чем в России, сократился объем внешней торговли и фондового рынка.

Резко усилившаяся уязвимость российской социально-экономической системы свидетельствует о ее неэффективности и необходимости внесения в нее коренных изменений.

Четырехлетняя стагнация и рецессия в России в 2013–2016 гг. происходят на фоне достаточно устойчивого развития мировой экономики по 3–3,3% в год (в среднем в развитых странах – по 1,5–2% и в развивающихся – по 5% в год).

Заметим при этом, что низкие темпы социально-экономического развития мировой экономики, и особенно развитых

стран (худшие показатели имеют страны Европейского союза и Япония), а также заметное замедление роста развивающихся стран во главе с Китаем при повышенной турбулентности и волатильности развития, показывают, что социально-экономические системы других стран мира, в первую очередь их финансовая система, которая выступает застрельщиком всех кризисных явлений, тоже нуждаются в серьезной модернизации. Так что вопрос о направлениях совершенствования социально-экономической системы актуален не только для России, но и многих других стран.

Но в России этот вопрос стоит очень остро. Стагнация и рецессия последних четырех лет ясно показали, что **прежняя модель социально-экономического развития нашей страны устарела и не способна обеспечить экономический рост.**

В отличие от других стран социально-экономическая система в России за последние 15 лет мало изменилась. Мы не извлекли уроков из кризисов ни 1998–1999 гг., ни 2008–2009 гг. и только сейчас стали задумываться о структурных реформах, новых источниках социально-экономического роста, на высшем уровне стали обсуждать ключевые вопросы нашего социально-экономического развития, которые до этого всерьез поднимались только на экспертном уровне.

Рассматриваемая книга направлена на то, чтобы найти ответ на вопрос: «К какой социально-экономической системе нужно переходить России? Какая социально-экономическая система возникает в недрах эволюции развитых и развивающихся стран?». Ее авторы назвали прогнозируемую социально-экономическую систему, к которой объективно осуществляется переход, «новым интегральным обществом».

Идеи нового интегрального общества

Книга состоит из двух частей – «Общетеоретические аспекты» (шесть статей) и «Мировая практика» (семь).

В первой части убедительно показывается, что существующая социально-экономическая формация не является окончательным, последним словом в мировой истории. Как заявил президент Давосского экономического форума в Швейцарии Клаус Шваб, «...капитализм в своем нынешнем виде уже не соответствует миру вокруг нас».

Образ США, ведущей страны капиталистического мира, во многом не устраивает другие страны и народы. Все больший интерес проявляют к опыту восточных стран и, прежде всего, к Китаю, который за короткий срок достиг невиданных результатов, валовой внутренний продукт которого по рыночному курсу юаня превысил 11 трлн долл., вдвое превзойдя ВВП Японии, занимающую третье место, втрое – Германии, и по общему экономическому потенциалу приблизился к США. При этом Китай собирается наращивать ВВП по 6,5–7% в сравнении с 1,5–2% в США.

За 8–10 лет, если пролонгировать нынешние темпы, Китай достигнет и превзойдет США по главному экономическому показателю (сегодня объем ВВП Китая в 1,5 раза ниже, чем в США). При этом по уровню экономического развития Китай в 4–5 раз будет отставать от США, что во многом вызвано низкой производительностью труда в сельском хозяйстве и традиционных отраслях. При рекордных темпах увеличения высокотехнологичных и инновационных отраслей Китай составит самую серьезную конкуренцию США, Западной Европе и Японии по «экономике знаний».

Европейские страны существенно опережают США по развитию социальной системы. Социальные блага в Европе для населения намного доступнее, чем в США, выше уровень охраны здоровья; в 1,5–2 раза меньше разрывы в уровне жизни между бедными и богатыми; значительно выше ожидаемая продолжительность жизни (более 82 лет в крупных странах Европы при 79 лет – в США); намного ниже младенческая и детская смертность, смертность населения в трудоспособном возрасте; больше заботы проявляется о престарелых гражданах. Сказанное во многом относится и к Японии, где продолжительность жизни составляет 84 года, рекордное число японцев живет сегодня свыше ста лет.

Отстают США и по отдельным видам образования (особенно школьного) от ряда западноевропейских и восточных стран, а также по вопросам экологии, безопасности, свободы в широком смысле слова.

Эволюция западноевропейских обществ не нацелена на сверх-высокую плату за медицину и образование, высокий заработок любой ценой, излишнюю интенсивность труда в ущерб здоровью

и отдыху и т. д., неизмеримо больше внимания уделяется преодолению бедности, доступности для подавляющей части населения различных материальных, духовных и культурных благ.

Социал-демократические партии, стоящие у власти в ряде европейских стран, стимулируют опережающий рост социальной сферы, сдерживают богатство на одном полюсе при сильных мерах по преодолению бедности на другом. Поэтому в расчете на душу населения доходы 10% зажиточных граждан выше, чем 10% малообеспеченных граждан, только в 6–8 раз, в то время как в США – в 13 раз.

Говоря об эволюции социально-экономической системы, авторы книги большое внимание уделяют развитию социальной сферы в перспективе в соответствии с социалистическими взглядами на эту проблему.

Другой важнейший вопрос – возрастающая роль государства в обеспечении устойчивого социально-экономического развития. Ключевое понятие здесь – планомерность, которая, по мнению авторов, будет свойственна будущей социально-экономической формации.

Уже сегодня роль государства в регулировании экономики, в смягчении кризисных явлений, в продлении периодов социально-экономического роста весьма значительна. Ее предлагается усилить, используя опыт планомерного развития стран социалистической ориентации. При этом речь идет об органических единстве и взаимосвязи частно-рыночного интереса отдельных групп населения с планомерным развитием социально-экономической системы в целом.

Проследившая эволюцию социально-экономической мысли на этот счет, авторы демонстрируют ограниченность представлений Адама Смита об экономической структуре общества, отмечают важность вклада Кейнса, показавшего роль государства в регулировании экономики, получившую яркое воплощение в Новом курсе Т. Рузвельта по преодолению в США последствий Великой депрессии 1929–1933 гг. Они идут дальше Кейнса, базируясь на современных представлениях о социально ориентированном бизнесе, социал-демократических тенденциях развития современного общества.

В расширительном плане в книге трактуется процесс конвергенции, т. е. общих свойств в социально-экономическом развитии

капиталистических и успешно развивающихся социалистических стран. В этой связи приводятся взгляды академика А.Д. Сахарова, а также Гилберта (США).

В этой общетеоретической части особое внимание уделено эволюции идей и дел по построению социализма в нашей стране.

Идею трансформации социализма авторы связывают с высказыванием Ленина в последний период его жизни: «...Мы вынуждены признать **коренную** перемену **всей** нашей точки зрения на социализм».

К этому выводу Ленин пришел при разработке проблем нэпа, связанных с допущением разных форм собственности при взаимодействии общественной и частной. Он предлагал сочетать рынок и план, ограничить вмешательство государства в экономику, поддерживать плюрализм, говорил о равенстве, не разрушающем свободу. Ленин первый из руководителей европейских стран обратил внимание на книгу Кейнса «Экономические последствия мира», предлагая перевести ее на русский язык. Развитие нэпа в сторону конвергенции отстаивали Н.И. Бухарин и поддерживающие его руководящие работники партии и государства Рыков, Томский, Лютин, Красин и ряд других.

Отход от ленинских идей нэпа, прежде всего в практической деятельности, совершил Сталин, который извратил идеи социализма, создав то, что иногда называют «казарменным» социализмом в СССР.

Так что переход к новой формации после распада СССР был осуществлен не от общества, воплощавшего социалистические и социальные ценности и идеалы, а от «казарменной» административной, диктаторской системы.

Авторы очень жестко оценивают этот переход, критикуя развившийся дух наживы, безнравственности, коррупции и криминала. В результате была создана не система цивилизованного капиталистического общества, напоминающего, например, европейские страны социал-демократической направленности, а переходная бюрократически-олигархическая система с огромным расслоением населения по уровню благосостояния, со значительным падением основных социальных показателей по сравнению с достигнутым уровнем экономического развития.

Если в рейтинге 150 стран мира Россия по уровню экономического развития (ВВП на душу населения по паритету

покупательной способности) занимает 43-е место, то по индексу социального развития – только 65-е, а по средней ожидаемой продолжительности жизни – 90-е место.

Оценка существующей в России социально-экономической системы

Переход от социально-экономической системы централизованного планирования и управления, существовавшей в СССР, к рыночной капиталистической системе после распада нашей страны происходил в период глубокого социально-экономического и политического кризиса, центробежных тенденций распада СССР, небывалой инфляции, девальвации рубля при стихийной демилитаризации нашей экономики. Основные усилия направлялись не столько на созидание нового, сколько на разрушение старого.

Были выкинуты на «свалку» плановые начала в развитии экономики, но сохранен бюрократизм административного управления, который соединился с коррупцией и возросшей ролью правоохранительных органов, вставших над развивающимся бизнесом.

Не лучшим образом прошла скоропалительная бесплатная приватизация, нацеленная не на эффективность работы приватизированной собственности, а на невозможность возврата к старой централизованной системе. Появился слой неэффективных собственников, не умеющих работать в условиях рынка. Им были отданы в полное распоряжение богатые природные ресурсы, и на «пустом месте» часть из них стала олигархами, присвоив ренту, принадлежащую народу. Возникла сотня «карманных» банков, значительная часть которых при первом же финансовом кризисе обанкротилась, и десятки миллионов людей потеряли сбережения. Государство во многом возместило эти потери, но их вклады из-за инфляции без индексации во много раз обесценились.

Не сумев организовать нормальную приватизацию, государство пошло по наиболее простому пути огосударствления экономики, концентрируя у себя все большую часть госсобственности. В результате на сегодня 65–70% ВВП производится на предприятиях и в организациях, подконтрольных государству, из них 37% ВВП приходится на бюджетные организации центра

и регионов и около 30% создается крупными государственными корпорациями («Газпром», «РЖД», «Роснефть», «Росатом», «Ростехнологии» и др.), а также тысячами предприятий и организаций, подчиненных федеральным, региональным и местным властям. Частная собственность заняла подчиненное место: ее доля в создании ВВП – 30–35%.

В банковской системе активы являются главным денежным фондом страны, превосходящим ВВП, и 58% этих активов находятся в руках госбанков (относится к ним и «Газпромбанк»).

Фактически государство потеряло контроль над экономическим развитием. Единственный общегосударственный документ, регулирующий экономические процессы – федеральный бюджет, концентрирует только 16% ВВП. Региональные бюджеты составляются разрозненно и не контролируются верховной властью. Также не сводятся воедино экономические показатели госкорпораций, которые в значительной мере занимаются не решением общегосударственных задач, а примитивной коммерческой деятельностью, нацеленной во многом на самообогащение. Также нет никакой координации в инвестиционной деятельности государственных банков, каждый из которых самостоятельно, вне какого-то государственного плана распоряжается своими средствами.

Центральный банк нацелен не на социально-экономическое развитие страны, а на подчиненные задачи по поддержанию устойчивости рубля и сокращению инфляции, с которыми он не справляется, поскольку вне его в народное хозяйство впрыскивается гигантская сумма средств при принятии бюджета центром и регионами, а ряд крупных отраслей монополизированы крупнейшими государственными организациями или олигархическими структурами, оказывающими воздействие на многие ключевые цены в народном хозяйстве.

Реформы по переходу России к рынку, как известно, оборвались на полпути. Не созданы полноценные рынки земли, рабочей силы, практически отсутствует рынок капитала, поскольку доля фондов «длинных» денег, которая в рыночных странах суммарно превышает ВВП и даже банковские активы, в России в лучшем случае не более 10%. Речь идет о накопительных пенсионных, страховых, паевых и инвестиционных фондах, резервы которых в 15–50 раз меньше суммарных активов банковских средств. Поэтому рыночный механизм как двигатель экономики в России

практически отсутствует из-за крайней слабости рынка капитала и конкурентной среды.

Российская экономика, на мой взгляд, может быть охарактеризована как государственно-олигархическая и частично рыночная система при ограниченной конкуренции из-за монополизации ряда сфер и отраслей. Она характеризуется концентрацией финансовых, бюджетных и банковских средств в Москве при отсутствии нормальной финансовой базы в регионах, поэтому подавляющая часть субъектов Федерации дотационна.

Отставание социальной сферы от экономического развития в этих условиях углубилось, поскольку она рассредоточена по большому числу организаций, не имеющих и близко той мощи и лоббизма, какой располагают крупнейшие государственные корпорации.

Всесилие Министерства финансов России привело к превалированию фискального подхода, при котором нет места для социальных стимулов и привилегий. При переходе к рынку социальная сфера подверглась меньшим изменениям и несет на себе отпечаток популизма, получившего широкое распространение в новой России (например, решение выплачивать все пенсии из государственных фондов, формируемых за счет отчислений с предприятий, без участия доходов граждан).

В капиталистической экономике невозможно сформировать достойную пенсионную систему без участия средств населения. Поэтому пенсионная система России является одной из самых худших в мире, страна занимает 97-е место среди стран по уровню жизни пенсионеров. Средний размер пенсий едва достигает 30% от уровня зарплаты, в то время как минимальный норматив Международной организации труда – 40–60%.

В Конституции также провозглашена бесплатность здравоохранения, поэтому граждане не платят за страховку по здоровью, которая опять-таки вычитается из средств предприятий. В результате из всех стран мира Россия занимает последние места по объемам финансирования здравоохранения в процентах к ВВП.

При провозглашенной бесплатности высшего образования объем частных средств в этой сфере превысил объем его господдержки. В эти средства включена изрядная часть средств населения на подношения и разные сборы в соответствующие государственные учреждения. Немало средств тратится на бурно развивающуюся у нас частную медицину.

Совсем плохо обстоит дело в жилищно-коммунальном хозяйстве, где государство ежегодно повышает цены на газ, электроэнергию, воду; в одностороннем порядке недавно ввело плату за капитальный ремонт.

Таким образом, **социальная система России, на наш взгляд, находится в глубоком кризисе.**

Социалистическая практика в СССР страдала уравнительностью, так что разрыв между средним доходом 10% высокооплачиваемых и 10% малообеспеченных людей не превышал трех раз. При переходе к рынку социальный подход здесь был отброшен в сторону, и эта разница выросла до 16 раз, чего нет ни в одной европейской стране.

Позорным фактом для России является наличие в ней огромного олигархического капитала. **Такой концентрации богатства нет ни в одной цивилизованной стране.** Россия намного опережает даже Германию по числу олигархов и в разы – по концентрации богатства в руках немногих лиц.

В ходе трансформации экономики России были свернуты наиболее эффективные секторы народного хозяйства, сократилась доля высокотехнологичных отраслей, утрачены позиции в самолетостроении, электронике, фармацевтике, в современной химии и т. д. Свернуты основные машиностроительные отрасли, и до 70% нужных нам машин мы вынуждены закупать на Западе, в Китае и Корее.

Дегradировало сельское хозяйство, в разы уменьшилось производство молока, говяжьего мяса, овощей. Поэтому ухудшилось качество питания, импортируется до 40% продовольствия. Еще более плачевная ситуация в легкой промышленности, из-за развала которой до 70% одежды, обуви, сумок и другой продукции также ввозится.

Особенно неблагоприятная ситуация в самой важной сфере народного хозяйства – «экономике знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникативные технологии, биотехнологии и здравоохранение), которая в ведущих странах является главным локомотивом социально-экономического развития. Эти отрасли в СССР производили 20% ВВП, – на уровне тогдашних показателей ряда развитых стран. В западноевропейских странах эта доля выросла до 30% ВВП, а в США – даже до 40%. В современной России она еле дотягивает до 15%.

Худшей отраслью народного хозяйства является здравоохранение, по качеству которого Россия, по оценке Всемирной организации здравоохранения, не входит даже в первую сотню стран мира, как и по ожидаемой продолжительности здоровой жизни, а по главному показателю – ожидаемой продолжительности жизни – занимает 90-е место (у мужчин – 120-е). Смертность трудоспособного населения на 100 тыс. жителей в нашей стране выше в 3,5 раза, младенческая смертность – в 1,8 раза, чем в развитых странах.

В то же время в экономике страны гипертрофированное место занимают топливно-энергетические отрасли, добыча сырья, производство полуфабрикатов и материалов, доля которых в экспорте – 85%, и только 15% приходится на готовую продукцию, из которой большую часть составляет поставка оборонной техники в развивающиеся страны.

Уродливая структура нашей экономики сделала ее крайне зависимой от динамики экспортных цен на нефть, газ и другое сырье, которые более чем наполовину определяют доходы федерального бюджета. Поэтому для России нынешнее снижение цен на нефть со 110 долл./барр. в первой половине 2014 г. до 35–40 по минимуму и до 45–50 долл./барр. в настоящее время стало трагедией. Доходы экспорта упали на 250 млрд долл. в год, а федеральный бюджет имеет значительный дефицит, и вынужден использовать для его покрытия золотовалютные резервы (Резервный фонд).

Экономическая система страны поэтому является крайне уязвимой и из-за структуры экономики, и из-за отсутствия фонда «длинных» денег, и из-за высокой доли иностранного капитала при покупке ценных бумаг. При этом динамика валютного курса рубля, как установило агентство Bloomberg, на 82% зависит от колебания экспортных цен на нефть. Девальвация рубля влечет за собой рост импортных цен и общего уровня инфляции. Поэтому не очень глубокая рецессия экономических показателей в 2015 г. (снижение ВВП на 3,7% и промышленного производства – на 3,4%) из-за рекордно высокой инфляции в размере 15,5% привела к небывалому обвалу доходов и потребления населения страны – в среднем на 10% и более.

Как видно, существующая социально-экономическая система страны себя изжила: она не обеспечивает развитие,

не удовлетворяет потребности граждан, снижает роль России в мировой экономике. Поэтому она нуждается в коренном изменении.

После более трех лет стагнации и рецессии это, наконец-то, осознало руководство нашей страны: 25 января 2016 г. впервые обсуждался вопрос о том, как возобновить экономический рост хотя бы по 4% в год. Выступая на этом совещании, Президент РФ В.В. Путин справедливо заметил, что существующая экономическая модель России не способна двигать экономику вперед. Старые источники роста себя исчерпали, и если на них дальше опираться, то рост будет нулевым. Нам нужно найти **новые источники социально-экономического развития**.

Опыт развитых стран и государств с переходной экономикой

В анализируемой книге большой раздел посвящен мировой практике формирования нового интегрального общества. Здесь рассматривается опыт Китая, Вьетнама, Бразилии, Индии, Голландии, Беларуси и Казахстана, а также постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы. Предпринята смелая попытка разглядеть в проводимых преобразованиях в этих странах черты формирования будущей социально-экономической системы.

Наиболее интересен для нас, пожалуй, опыт Китая, во многом противоположный нашим преобразованиям. Китай основные силы бросил не на разрушение прошлого, а на созидание нового. Притом с самого начала Китай обратился лицом к нуждам населения, решив задачи обеспечения его продовольствием и товарами широкого потребления, что мы только сейчас, после 25 лет деятельности, под видом импортозамещения пытаемся делать, причем – с минимальными ресурсами.

В Китае не было обвальной либерализации. Они действовали путем перехода от малого к большому, от частного к общему, постепенно, но решительно расширяя и углубляя масштабы реформы. Мы же, скоропалительно начав крупные преобразования, потом попросту остановились. Очень важно, что Китай не сделал ставку на один вид собственности, а проводил реформы под лозунгом «многообразия типов хозяйств».

Можно было бы и дальше продолжать это сравнение, которое, к сожалению, не в пользу наших реформаторов.

Проповедуя социалистические идеалы, Китай пытается соединить эффективность рыночной экономики, почерпнутой у капитализма, с идеей социальной защиты трудящихся, взятой от социализма. Они не рассматривают антагонистически эти две разные составляющие, а пытаются их примирить. Стимулируя хозяйственные инициативы на микроуровне, Китай весьма жестко осуществлял макроконтроль. В нужных случаях он усиливал роль государства, не руководствуясь в рыночных преобразованиях принципом «чем меньше государства, тем лучше для экономики». Китай не разрушил, как мы, плановые начала, а внедрил их в создаваемой смешанной экономике.

На недавнем XVIII съезде КПК Китай поставил цель – к 2020 г. удвоить ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения страны по сравнению с 2010 г. Заметим, что за долгий путь китайских реформ выдвинутые цели достигались.

В целом в Китае довольно успешно сбалансированы роли государства, рынка и общества. Сейчас на первый план выдвинуты идеи реформирования бюджетно-финансовой системы, системы распределения доходов и решительные движения в сторону социальной справедливости, а также гармонизации экономики и социальной сферы.

За годы реформ количество бедняков сократилось на 300 млн чел., а реальные доходы городского и сельского населения увеличились в 9–10 раз. На начало реформ карточки социального обеспечения в Китае были мало распространены. В 2015 г. их число достигло 800 млн, а за последние два года их число увеличилось на 260 млн. При таких темпах потребуются еще несколько лет, чтобы такими карточками обзавелось все население.

Если о Китае в нашей стране знают довольно много, то о вьетнамском алгоритме почти ничего неизвестно. Вьетнам пошел по пути Китая, перейдя к рынку, который оживил и разогнал экономику страны. Поскольку переход к рынку, естественно, привел к расслоению в благосостоянии людей, сразу были приняты социальные меры для граждан, находящихся за чертой бедности. Малоимущие были освобождены от налогов, им были увеличены пенсии. К 2020 г. 80% населения получают медицинское страхование.

Если в 1993 г., по данным Всемирного банка, во Вьетнаме бедных было 58%, то в 2003 г. – 29%, а сейчас – 10%. Здесь масштабы неравенства даже ниже, чем в Китае. Удалось избежать обогащения людей за счет передачи общенародного имущества или залоговых аукционов. На 88 млн чел. во Вьетнаме имеется всего один миллиардер, но и тот добился успеха в обрабатывающей промышленности, а не став собственником недр и прочих национальных богатств, которые во Вьетнаме продолжают оставаться общенародными.

До 2020 г. Вьетнам поставил задачу превратиться в индустриальную державу. Доля промышленности в ВВП доведена до 40% (при начале реформ – всего несколько процентов). В рейтинге уровня жизни Вьетнам недавно обогнал Россию, заняв 61-е место.

В последние годы Индия по темпам экономического роста превзошла даже Китай и быстро развивается темпом по 8–9% в год. Хотя символ Индии – слон, который, казалось бы, идет медленно, но шаги индийского «слона» ускорились. Во многом это связано с работой Плановой комиссии Индии, возглавляемой премьер-министром. Она определяет стратегические цели, реализуемые пятилетними планами, в основном – индикативными. Сейчас осуществляется 12-я пятилетка (2012–2016 гг.). Промышленность намечено увеличивать по 10% в год.

Индия за последние 20 лет подняла долю инвестиций в ВВП с 24% до 36%, при этом на государственные приходится 40%, а на частные – 60%.

Символом новой индийской экономики стал город Бангалор с населением 7 млн чел., где среднедушевой доход – около 7 тыс. долл. Индия является одним из лидеров в мире по развитию офшорного программирования, продавая математические программы на сумму более 70 млрд долл. в год. И не случайно в Бангалоре проживает 10 тыс. долларовых миллионеров. Здесь находятся сотни научно-исследовательских и образовательных учреждений, колледжей, университетов, готовятся сотни тысяч специалистов.

В Индии более 3 млн программистов (в России – 400 тыс.). Объем экспорта программного обеспечения в Индии больше, чем экспорт российского газа, чем экспорт черных и цветных металлов, вместе взятых. Он почти в пять раз превышает экспорт российского

вооружения. И по ряду других отраслей Индия сделала ставку на развитие высокотехнологичных и инновационных отраслей.

Особое внимание в Индии уделяют формированию среднего класса (к нему относятся люди, зарабатывающие от 4 до 21 тыс. долл. в год, имеющие доступ к медицинскому обслуживанию, образованию; те, кто имеет машины, цветные телевизоры и т. д.). К 2025 г. выдвинута задача – довести этот слой населения до 600 млн чел.

Очень интересная статья в книге посвящена голландскому «социализму». Здесь давно работает Институт планирования, возглавлявшийся Я. Тинбергеном, нобелевским лауреатом за разработку эконометрики. В этом институте трудятся 3 тыс. ученых-аналитиков, разрабатывающих планы и прогнозы для правительства. Этот институт является подразделением Министерства экономики Нидерландов и финансируется из бюджета, но министерство не имеет права вмешиваться в его работу.

Подробно показано, что в Голландии долгие годы сосуществуют рыночная экономика и эффективное государственное регулирование, благодаря чему страна является одной из самых развитых в Западной Европе.

Большая статья посвящена трансформации постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы. Вначале они действовали самостоятельно, переводя свою экономику на рыночные рельсы. Затем эти страны стали членами ЕС, и их развитие во многом было связано с использованием преимуществ интеграции. За это время разрыв по экономическим и социальным показателями между постсоциалистическими странами и другими странами ЕС заметно сократился (хотя значительная часть населения этих стран, ориентируясь на ведущие страны Западной Европы, считает его недостаточным).

Изучение зарубежного опыта в социально-экономическом развитии и его критическое осмысление для нас крайне важны, и потому эта работа дает нам серьезный повод для размышлений.

О направлениях социально-экономического развития России

Первоочередная задача России – преодолеть стагнацию и рецессию. Для этого, прежде всего, надо установить диагноз «болезни» нашего экономического организма. Мы оказались

в стагнации и рецессии без видимых внешних причин – по собственной вине, из-за отсутствия единой экономической политики, плохого прогнозирования, отсутствия планирования.

Напомним, что в 2010–2012 гг. в России ВВП рос в среднем на 4% ежегодно, инвестиции – по 7–8%. В 2012 г. установились самая низкая инфляция (5,1%) и ключевая ставка Центрального банка (5,5%), а основные экономические и социальные показатели превзошли лучший 2008 г. Экспорт достиг 527 млрд долл. против 472 млрд долл. в 2008 г. Мы заняли в 2012–2013 гг. на мировом рынке 180 млрд долл. дополнительно; сохранились к тому времени и крупные золотовалютные резервы. Устойчиво держался валютный курс рубля (31 руб./долл.). Все это говорило о том, что Россия может смело смотреть вперед и рассчитывать в перспективе как минимум на 3,5–4%-й рост.

Но из-за отсутствия прогнозирования Правительство РФ не увидело, что ввод новых основных фондов в 2013 г. будет очень низким из-за того, что за четыре года до этого, в кризисный 2009 г., инвестиции снизились на 16%. Поэтому если в 2012 г. ввод фондов был почти 9%, то в 2013 г. – 1%, а в 2014 г. – минус 4%. А это значит, что прирост товаров и услуг на введенных фондах будет минимальным, и экономический рост за счет этого достигнут быть не может.

Если бы такое предвидение было, то можно было бы увеличить инвестиции в экономику, скажем, на 10% в 2013 г. И тогда никакой стагнации бы не возникло, потому что инвестиции раскручивают экономику и дают экономический рост. Кстати, в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной экономической политике» намечалось поднять долю инвестиций в ВВП до 25% к 2015 г. и до 27% – к 2018 г. Для этого и нужно было обеспечить 10%-й в среднем за год рост инвестиций в 2012–2015 гг., но Правительство поступило с точностью до наоборот.

Прежде всего, инвестиции сократил госбюджет. Затем их резко снизили пять крупнейших корпораций («Газпром», «Роснефть», «РЖД», «Росатом» и «Ростехнологии»), которые концентрировали 30% всех инвестиций в народном хозяйстве. «Газпром» закончил строительство «Северного потока» и хотел начать строительство «Южного потока», затратил деньги, но потом оно прекратилось, и сотни миллиардов рублей оказались потраченными зря.

Новую инвестиционную программу «Газпром» разработать не смог, его инвестиции снизились почти вдвое, а ведь они достигали 1,5 трлн руб. Понемногу сократили их объем по разным причинам и «РЖД», и «Росатом», и «Ростехнологии», а прирост инвестиций «Роснефти» не смог перекрыть это падение.

Центральный банк в очередной раз обманулся с инфляцией: он хотел снизить ее до 4%, а оказалось, что она выросла до 6,8% в 2013 г., и пришлось поднять ключевую ставку. Все это затормозило рост народного хозяйства и сделало менее выгодным использование инвестиционных кредитов. Поэтому «Сбербанк» и «ВТБ» сократили их выдачу в реальном выражении.

Эта государственная линия на сокращение инвестиций продолжалась и в последующие годы с еще большей «настойчивостью». В целом за 2013–2015 гг. инвестиции в основной капитал сократились более чем на четверть (бюджетные – на 23%, госкорпораций – на 30%, инвестиционный кредит – на 27%). И, хотя частные инвестиции все эти годы росли, увеличившись по физическому объему на 10%, суммарно общие инвестиции снизились на 0,3% в 2013 г., на 2,5% – в 2014 г. и на 8,4% – в 2015 г., или всего на 11%. В 2016 г., по-видимому, они упадут еще на 3–4%.

Такое снижение инвестиций в сочетании с сокращающимся вводом основных фондов явилось главной причиной перехода от экономического роста к стагнации. Но беда не приходит одна.

В кризис 2008–2009 гг. закончился приток капитала в Россию, который в 2006 г. составил 43 млрд долл., а в 2007 г. – 82 млрд. Он сменился оттоком капитала в 133 млрд долл. в 2008 г., 56 млрд – в 2009 г., 38 млрд – в 2010 г., 80,5 млрд – в 2011 г., 54 млрд – в 2012 г., 61 млрд – в 2013 г., 151,5 млрд – в 2014 г., 54 млрд – в 2015 г.; в 2016 г. ожидается отток 15 млрд долл. Итого из страны уйдет 700 млрд долл. – больше, чем придет. А когда со второй половины 2014 г. начали снижаться цены на нефть, валютная выручка в 2015 г. сократилась на 180 млрд, видимо, на 250 млрд долл. она упадет в 2016 г.

Таким образом, возникла острая нехватка валютных ресурсов для экономического роста, тем более что с сентября 2014 г. Россию ограничили в доступе к мировому финансовому рынку, а внешнеэкономический долг к этому времени вырос до 732 млрд долл. и пришлось огромные средства отдавать в 2014–2015 гг. без возможности перекредитовки. Поэтому внешнеэкономический долг сократился на 217 млрд долл., на начало

2016 г. – до 515 млрд. Отдача огромного долга при двойной девальвации рубля по отношению к доллару, естественно, обескровила нашу экономику.

В эти годы Правительство РФ ничего не сделало для мобилизации внутренних источников инвестиций, а такие возможности были, и они очевидны. В частности, можно было:

- увеличить долю инвестиционного кредита в активах банков с 1 трлн руб. (1,2% к активам) до 3–5 трлн руб., как в других странах;

- заимствовать в виде инвестиционного кредитования хотя бы на пять лет небольшую часть золотовалютных резервов, ежегодно используя 15–20 млрд долл. на эти цели;

- отменить налог с прибыли предприятий, используемой на инвестиционные цели; по расчетам, это дало бы 1 трлн руб. дополнительно на инвестиции;

- выпустить облигационный заём для населения с гарантией предоставления семьям, приобретшим его, покупку квартир, автомобилей, приусадебных участков с большой скидкой, с льготами под гарантии государства и т. д.

Я уже не говорю о том, что наше государство, чей внешне-экономический долг составляет всего 3% ВВП – в сравнении с 86%-м долгом западноевропейских государств, 100%-м США и 200%-м долгом Японии и Китая (вместе с внутренним долгом по этим странам), могло бы каждый год занимать по 15–20 млрд долл., например, у арабских нефтяных стран под выгодный для них процент, у азиатских стран или международных банковских организаций.

Ничего в этом отношении сделано не было! Поэтому нисходящий тренд от стагнации (в первый год – 1,3%, во второй год – 0,6%) привел в 2015 г. к рецессии (2,2% в первом квартале, 4,6% во втором квартале, а всего за год – 3,7%).

Для того чтобы возобновить экономический рост, есть только одно средство – перейти к политике форсированных инвестиций в основные фонды и в человеческий капитал. Но в России сократились инвестиции не только в основные фонды, с 2008 г., как показывает статистика национальных счетов, падает доля расходов на образование в ВВП. Абсолютное сокращение за 2008–2015 гг. составило 11%. Но какой может быть экономический рост при сокращении главных факторов экономического развития?!

Требуется ежегодно по 10% увеличивать и инвестиции в основные фонды, и вложения в человеческий капитал. Это необходимо для технологического обновления действующего производства, для развития выпуска готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, прежде всего в экспортном исполнении. В первую очередь это касается высокотехнологичных и инновационных отраслей.

Нам нужно создавать современную транспортно-логистическую инфраструктуру, перейти к массовому строительству автострад и скоростных железных дорог по примеру Китая. Предстоит удвоить жилищное строительство, потому что в России на душу населения приходится 15 м² комфортного жилья (то есть хотя бы с наличием туалета и холодной воды, не говоря уже о ванне, душе и горячей воде и т. п.), а в самой бедной европейской стране – 30 м² комфортного жилья на душу.

И последнее: надо форсированно вкладывать средства в экономику знаний, сделав их главным локомотивом развития.

Если мы начнем это делать и создадим условия, о которых речь пойдет ниже, то к 2020 г. доля инвестиций в основные фонды в ВВП повысится до 25%, к 2025 г. – до 30%, а доля экономики знаний в ВВП увеличится до 20% к 2020 г. и до 30% – к 2030 г.

Как показывают расчеты, это обеспечит ежегодный рост экономики России как минимум 3% в 2020 г. и 5% – к 2025 г. Но чтобы все это сделать, нужно создать следующие условия.

Во-первых, требуется снизить инфляцию и ключевую ставку ЦБ РФ до 3–4%. Центральный банк на это не способен, как показывает вся история его «антиинфляционной» деятельности. Поэтому надо сформировать специальную президентскую программу, скажем, на три года, которую совместно должны выполнять Правительство, Центральный банк и все госкорпорации при строгом контроле сверху.

Во-вторых, надо ввести сильные стимулы для экономического роста, в том числе при технологическом обновлении, импортозамещении, экспорте готовой продукции; надо перейти к проектному финансированию и т. д. При этом главной формой дополнительных инвестиций, на мой взгляд, должен стать инвестиционный кредит, который сегодня составляет всего 6% всех инвестиций (в развитых странах – 30–50%, в развивающихся во главе с Китаем – свыше 20%).

Нам нужно довести долю инвестиционного кредита хотя бы до 30% от общего объема кредитования, используя для этого не только средства банков, но и переведя на инвестиционное кредитование заимствования золотовалютных резервов, денег от приватизации, внешние займы, да и часть средств госбюджета. Все это не должно предоставляться безвозмездно, безвозвратно, без бизнес-планов.

В-третьих, нужны структурные реформы, прежде всего, чтобы устранять препятствия, возникающие на пути экономического роста и форсированных инвестиций. Речь идет о сокращении доли государства в экономике – и по линии сокращения бюджета, и в части приватизации того госимущества, на базе которого не выполняются государственные функции, а осуществляется коммерческая деятельность. Значительное число регионов можно было бы перевести на систему самокупаемости, самофинансирования, самоуправления, что приумножит экономический рост.

В выдвинутой задаче по совершенствованию госуправления главное – **перейти на программно-целевое планирование по всему госсектору**. Нужно иметь единый план на три-пять лет, единый финансово-кредитный план, с конкретными целевыми показателями по статьям финансовых вложений. И только в его рамках составлять государственные бюджеты. Федеральный бюджет тоже должен составляться обязательно с целевыми показателями. Надо жестко координировать составление региональных бюджетов, чтобы в совокупности они давали весомый прирост валового регионального внутреннего продукта.

Наша страна – страна огромных возможностей. Стоит задача – лучше организовать и использовать эти возможности.